

Инана

ТРИ

ДВУСТИШИЯ

16+

Инана
Три двестишия

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Инана

Три двестишестидесяти / Инана — «ЛитРес: Самиздат», 2013

ISBN 978-5-532-04262-9

Роман охватывает временной период с 1987 по 2005, а герои повести проходят тот кровавый путь, который пришёлся на долю «последнего» поколения советской молодёжи: распад СССР, Афганистан и Чечня, локальные жестокие войны на постсоветском пространстве. Долгий трудный путь длиной в восемнадцать лет под знаком Трёх Двестишестидесяти, олицетворяющий три возраста героев. Роман — лауреат Германского международного литературного конкурса «Buch des Jahres» 2018, и международного литературного конкурса «Открытая Евразия» 2019. Книжный трейлер романа стал победителем ECG&RomfordFilm Festival 2019 в соответствующей номинации.

ISBN 978-5-532-04262-9

© Инана, 2013

© ЛитРес: Самиздат, 2013

Содержание

Предисловие	5
Первое двестишия	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Предисловие

В самом конце повести, словно на прощание, главная героиня, мысленно уносит всех нас на три десятилетия назад, в мир детских воспоминаний, самым ярким эпизодом которого для всех детей, родившихся в СССР были Первомайские праздники.

Та мимолётная встреча взглядом девочки с обязательными двумя длинными чёрными косами и голубоглазого русского лейтенанта оставила неизгладимый след в душе ребёнка, потом девушки, и уже зрелой женщины, на уровне подсознания диктуя ей совершать те или иные поступки.

Когда Марьям в шутку называет себя «женщиной русского лейтенанта», трудно избавиться от соблазна сравнить её с «женщиной французского лейтенанта». Различаясь во всём, – просто обречённая на беззаботно-благополучную жизнь в процветающей Англии Сара, и Марьям, вынужденная бороться за выживание в постсоветской южной республике, – похожи в одном, в глубоко спрятанном сокровенном желании.

Поэтому Сара врёт любимому мужчине о своём романе с французским лейтенантом, Марьям же ищет своего лейтенанта всю жизнь. Именно это сидящее глубоко в подсознании желание заставляет Марьям полюбить Сергея, и хотя она с лёгкостью уходит от него в «первом возрасте», желание быть «женщиной русского лейтенанта» остаётся, плавно переходя вместе с героиней во второй свой возраст, а потом и в третий.

Что ж, пусть так и остаётся во веки веков: лейтенант – своеобразный символ молодости и мужественности, а также чести и достоинства. Пусть остаётся в наших сердцах потребность в настоящей дружбе, любви, честности. Пусть такое красивое и романтическое желание быть «женщиной русского лейтенанта» остаётся с женщиной как можно дольше, в идеале – всю жизнь.

Первое двестишье

Кто ты: брат мой или любовник?

Я не помню и помнить не надо.

Ахматова

Глава 1

...ноябрь 1987 года

Марьям вышла из московского ГУМа с чувством легкой досады и тревоги. Серый промозглый ноябрьский день обострял чувство одиночества и тяжести в сердце. «Все было бы по-другому, если бы со мной был бы Он, – подумалось ей. – Вместе зашли бы в какую-нибудь уютную кафешку, и, грея руки о горячую чашечку кофе, смотрели на голые ветви деревьев сквозь окно; и рядом друг с другом совсем не было бы холодно». Это уже стало наваждением – постоянно думать о том, что она одинока, что ее никто не любит и никогда никто не любил, и что ее жизнь так и пройдет безрадостно и уныло. Марьям овладело плаксивое настроение и чувство острой обиды на судьбу. Впрочем, она была несправедлива, судьба иногда делала и подарки. Ведь как ей повезло с соседкой по номеру в гостинице. Шустрая Света была всего на год моложе нее, но у Марьям буквально сразу же сложилось твердое убеждение, что та крепко держит судьбу за хвост...

Все началось после двадцать пятого дня рождения. «Хватит, – сказала она сама себе. – Пора жить своим умом и делать то, что считаешь нужным». Ей очень нравилась песня Виктора Цоя про билет на самолет и пачку сигарет. А что, если в самом деле осуществить эти неясные грезы. Купить билет на самолет и пачку сигарет для шика и улететь в прекрасную Неизвестность. И вот, день великого переворота настал. Придя на работу, и улучив подходящий момент, Марьям прогнала прочь малодушные сомнения и решительно подошла к своему профоргу.

– Юля, как можно куда-нибудь поехать, в Москву, например? Где можно купить путевки, как это происходит? – она чувствовала, что говорит путано и запинаясь от волнения, и это злило ее.

– Ну ты прямо как с луны свалилась! Идешь в турбюро на проспекте Ленина. Там висит список маршрутов с датами и ценами. Находишь инструктора, он тебе оформляет бумаги. Если берешь по полной стоимости наличными – вообще никаких проблем.

Юля Полякова была из той категории людей, которые знают абсолютно все.

– Если хочешь в Москву, я бы посоветовала тебе Всесоюзный маршрут номер 1 «Измайлово» на двенадцать дней дней. Там и номера великолепные, и питание, и экскурсии на высшем уровне, и метро рядом, и чудесный парк близко. То что надо для медового месяца. Ты что, замуж выходишь? – Юлины глазки хитро заблестели.

– Нет, нет, что ты! – Марьям аж задохнулась, не хватало еще слухов на работе. – Просто хочу поехать в отпуск куда-нибудь. Надоело дома сидеть. Ты мне подробно объясни, пожалуйста, куда, куда, как и что.

На следующий же день она отправилась в турбюро. Быстро все нашла и вскоре получила на руки вожденную путевку в «Измайлово». Марьям была слегка обескуражена легкостью, с которой ей удалось выполнить задачу, казавшуюся невероятно трудной. Раньше она никогда никуда не ходила одна, даже комсомольский билет пошла получать с отцом, и жутко робела перед закрытыми дверями учреждений. «Можно добиться всего, чего хочешь. Надо только не бояться, и действовать» – необыкновенное ликование охватило девушку, как на крыльях она поспешила в аэрокассу и, постояв с полчасика в небольшой очереди, купила билет. Оставалось

самое тяжелое – разговор с родителями. Но Марьям твердо решила, что поедет, даже если ее выгонят из дома: ни силой, ни слезами ее не удержать.

Легко постукивая по асфальту каблучками модных ботиночек, она направилась к метро. Девушка чувствовала себя приглашенной на праздничный бал, и даже улицы, по которым она ходила тысячу раз, казались ей необыкновенно парадными, залитыми безмятежно-радостным, празднично-солнечным светом. Марьям вдруг осознала, что улыбается. Однако, в ее типично восточном городе девушке следует по улицам ходить быстро, глядя себе под ноги, желательно опустив голову, а то не избежать мерзких приставаний. Наиболее головоболеприносящими были деревенские ребята. Следуя на почтительном расстоянии от понравившейся девушки, они, не говоря ни слова, провожали ее до самого дома, и днями дежурили там, продолжая следовать по пятам, до тех пор пока не вмешивались родители, родственники или соседи девушки все вместе. Так и есть, кто-то увязался за ней. Ну что ж, она знает как отвалить любого пристава. Парень поравнялся с ней и неожиданно заговорил на русском с иностранным акцентом.

– Можно познакомиться с тобой, красавица?

– Нет. – очень резко сказала Марьям. – Нет и еще раз нет. Иди куда шел.

– Ты очень красивая, у тебя такие красивые длинные волосы и стройные длинные ноги.

Обескураженная наглостью иностранца, Марьям остановилась. Такого не посмел бы себе позволить ни один из местных.

– Ты похожа на наших девушек. Я здесь учусь в университете и знаком с вашими обычаями, вы обязательно должны выходить замуж невинными. Я все понимаю. Мне достаточно было бы просто твоей чудной фигурки. Ну а потом, когда ты ко мне привыкнешь... – он поднес палец ко рту.

От охватившего ее омерзения Марьям почувствовала тошноту. Все лицо и шея мгновенно покрылись холодным потом. Ей хотелось ответить грубыми и оскорбительными словами, но зубы буквально заклинило, она была не в состоянии издать ни звука. А «бедный студент» продолжил:

– Я не стану делать ничего, что тебе не захочется. Ты мне так понравилась, что я согласен даже ждать, пока ты не будешь готова. Я буду делать хорошие подарки...

К Марьям вернулся дар речи.

– Я сама могу купить тебя всего с потрохами. Пошел вон, дешевка, еще одно слово, – и я позову милицию, вылетишь и из университета, и из страны.

Круто повернувшись, она быстро зашагала прочь. Хорошего настроения как не бывало, она себя чувствовала обляпанной дерьмом. Ее затея с поездкой в Москву начала казаться безумством. Весь вечер Марьям раздумывала, не дать ли всему обратный ход. Но прошло немного времени и она, успокоившись, решила, что все ее страхи – просто глупость. Ну и что, сделали непристойное предложение, но ведь дала же достойный отпор. Она сумеет постоять за себя. И все же, разговор с матерью Марьям отложила на следующий день.

В доме все решала мать, обладательница редкой красоты и редкого для азиатской женщины властного и сильного характера. Когда и того, и другого оказывалось недостаточным для подчинения кого-либо, в ход пускалось обезоруживающее обаяние, и жертве ничего не оставалось как капитулировать. Разговор оказался намного тяжелее, чем могла себе представить Марьям. В свойственной ей безапелляционной манере, мать заявила, чтобы дочь выбросила этот бред из головы, ни о какой поездке не может быть и речи.

– Не хватало еще, чтобы люди стали говорить, что ты как беспризорная сирота мотаешься по городам и гостиницам и неизвестно чем занимаешься. У нашей семьи безупречная репутация, и я не позволю даже малейшей тени лечь на нее. Сейчас, когда не сегодня-завтра может представиться блестящая партия, ты взбесилась, и хочешь все испортить?

Мать любила поговорить о том, как должна себя вести девушка из почтенной семьи, какой она должна быть высокомерной и недоступной для мужчин, строгой в отношении легко-

мысленных развлечений типа дискотек, ужасной молодежной моды и всяких волосатых рокеров, и в то же время послушной воле родителей. Ведь только такую девушку захочет взять в жены, именно в жены, а не просто так проводить время, серьезный парень с блестящими перспективами.

Марьям ответила матери впервые в жизни.

– Я всегда поступала так, как вы мне приказывали: не ходила на вечеринки, дискотеки, не знакомилась на улицах, не поощряла сокурсников, ни с кем не встречалась. Потому что должна была думать только о блестящей карьере и о блестящей партии, которой ничего не должно было бы помешать. Это только падшие и гулящие весело проводят время в компаниях, а потом их ждет одиночество и помойка! И сколько их, таких «падших» оказалась на помойке?! «Падшие» разъезжают на переднем сиденье «Жигулей» и «Волг» со своими законными мужьями и детьми. А одинока и никому не нужна именно я! А ты сама?! Ты сама поступаешь совсем не так, как учишь меня!

Ею овладело нервное, близкое к истерике состояние. Подстегивало еще и странное молчание матери. Та сидела с непроницаемым лицом, гордо вытянув длинную шею, элегантно закинув ногу на ногу, по-девичьи стройные. «Леди Совершенство», как все ее называли. Марьям вдруг поняла, что кричит, но никак не могла остановиться.

– Мне уже двадцать пять лет! А совсем скоро будет тридцать! Я даже не успею заметить, как пройдет пара лет между защитой диссертации, походами в библиотеку и вымучиванием ученых статей! А потом я стану смешной старой девой, над которой все будут подшучивать и проявлять показную жалость! Вот тогда вы начнете искать для меня уже не самого лучшего жениха, а любого! Начнете завлекать кооперативной квартирой, машиной, богатым приданым. А послезавтра не побрезгуете даже неграмотным деревенщиной из района...

Вдруг мать резко повернула голову к Марьям, и посмотрела на нее каким-то растерянным, горьким взглядом.

– Что, уже сегодня? – женским чутьем Марьям безошибочно определила причину необычной неуверенности матери и уже усталым и глухим голосом продолжала:

– Что же касается приличий, то когда-то и о тебе говорили в деревне, что ты ведешь себя неприлично, когда сбежала в город учиться и жила в общежитии. Со второго курса ты встречалась с моим отцом, таким же голоштанником, и вам плевать было на то, что дедушки с бабушками думали по этому поводу. Ведь это любовь дала вам обоим силы добиться в жизни всего – квартиры, положения, карьеры... А ты стала утонченной леди, которой сегодня восхищаются все те, кто еще вчера осуждали тебя. Вы с отцом сделали из меня неудачницу и дуру! Дай мне шанс, мама! Позволь жить своим умом и поступать так, как я считаю нужным.

Наступило тяжелое молчание. Марьям всю трясало от нервной дрожи, она уже была в состоянии близкому к обмороку и вздрогнула от неожиданности, когда услышала:

– Когда ты едешь?

Еще в самолете ее охватило совершенно незнакомое чувство свободы. Все складывалось как нельзя лучше. Соседкой по номеру оказалась некрасивая, вертлявая Света из Вачи.

– Про наш город у Высоцкого песня есть, слышала?

– Нет.

– Тебе сколько лет? Замужем?

– Двадцать пять, не замужем.

– А мне двадцать четыре. Я тоже незамужем пока. Но, наверное, как вернусь, так выйду. Есть один, уже год как привязанный ходит. В Москву приехала, чтоб отдохнуть от него, а он возьми и приедь сюда. Да еще тут неподалеку их база, он спортсмен. Представляешь, так он с утра торчит у дверей отеля и подкарауливает меня. Я ему говорю, я отдыхать приехала, понял, отдыхать, от всего, и от тебя тоже. А он все равно приходит, в гости просится. А вот я ему скажу, что у меня соседка с Кавказа: и не разрешает ни приходить, ни звонить. Это подействует.

– Я не с Кавказа. – Марьям всегда раздражало демонстративное невежество в этом вопросе.

– А-а, какая разница! Будь другом, скажи ему, когда позвонит, а? Ну, чтоб отстал. Не люблю я его, да замуж пора выходить, устраиваться как-то. Я так боялась, что какую-нибудь бабуську пришлют. Повезло. Вечером вместе на дискотеку пойдём.

Света взяла командование парадом на себя, и Марьям подумала, что так даже лучше. Она сидела на кровати и спокойно, удивляясь лишь про себя подобной откровенной расчётливости, слушала ее звонкий голосок, который доносился уже из прихожей:

– Ты не идешь обедать? Ну, если нет, то тут мне звонить должны, будь другом, ответь, пожалуйста. Только ничего не перепутай, умоляю тебя. Если позвонит Коля – это жених. Скажи ему, что я пошла по магазинам, и не вернусь до вечера. Если Саша, – я с ним вчера здесь познакомилась, – скажи чтоб часов в шесть позвонил, а если Леша, – чтобы обязательно перезвонил через пятнадцать минут. Для меня самое главное – это он. Не мальчик, а мечта. Могут еще двое позвонить. Это я так, на всякий пожарный, дала телефон. Скажи, чтоб вечером позвонили. Да, если Коля позвонит, не забудь сказать, что ты не разрешаешь ему ни звонить, ни приходить сюда.

Света ушла, а ошеломленная Марьям пыталась осмыслить обрушившийся на нее поток информации. Влюбленный до потери памяти жених, Саша – рак на безрыбье, Леша – мальчик-мечта... Да еще какие-то ребята. С этим в лифте познакомилась, когда поднималась, с тем – когда спускалась. И все это за один день. Неужели так может быть? Ну про жениха точно врет. Быть такого не может, чтобы караулил с утра, чтобы только одним глазком взглянуть на уродину эту. Марьям, как водится у женщин, была довольно безжалостна к дурнушкам, и просто ненавидела тех из них, которые не только не имели каких-либо комплексов по этому поводу, а напротив, были даже очень уверены в своей неотразимости и пользовались, кстати, большим успехом у мужчин, чем писанные красотки.

Раздался телефонный звонок. Это был Коля. Марьям ответила незадачливому жениху в точном соответствии с полученной инструкцией, опустив, однако, насчет того, чтобы не звонил. Значит, жених в самом деле существует. Олух царя небесного! Не успела она переварить эту маленькую горькую пилюлю, как телефон зазвонил снова. Это был мальчик-мечта. Надо же. Вот тебе и уродина. Поразмыслив немного, Марьям решила отбросить прочь предубеждения, женскую зависть, мелкое желание напакостить и поучиться у Светы, выяснить в чем же секрет. Этот великий секрет, овладеть которым не помогли ни классическая литература, ни современная иностранная (шокирующая своей откровенностью). Почему ее, такую красивую, умную, хорошо воспитанную девушку из приличной интеллигентной семьи, не любит такой же красивый, умный и хорошо воспитанный молодой человек, почему она одна? Что не так? Надо докопаться и понять, чтобы исправить или исправиться.

В тот же день Света повела Марьям на дискотеку в измайловский бар «Люкс». Эта дискотека, считавшаяся одной из лучших в Москве, была довольно дорогая, что служило в своем роде планкой, одолеть которую могли далеко не бедные любители потанцевать. Ковролит на полу, роскошная стойка бара с высокими табуретами, глубокие, мягкие, обитые матово отливающей кожей диваны, низкие деревянные столики, красиво оформленная площадка для танцев – весь интерьер до мельчайших деталей был выдержан в современном дорогом и элегантном стиле. В воздухе витал тонкий аромат изысканных французских духов. Марьям с удивлением смотрела на девушек, одетых не просто модно и дорого. Эти блестящие лосины невероятных пастельных тонов, чудные сапожки, умопомрачительные кофточки из тонкой, незнакомой и прекрасной материи, потрясающая бижутерия – все было прямо «оттуда», и никак не иначе как от «Кристиан Диора» и иже с ним... Света принесла коктейли в высоких бокалах и маленькие корзиночки с черной икрой, которые полагались по входным билетам. Коктейль показался Марьям необыкновенно вкусным, рядом со Светой она чувствовала себя защищенной, они тан-

цевали, потом отдыхали, потягивая коктейль, потом снова танцевали. Вокруг были молодые, красивые лица, приятная и приветливая обстановка, и Марьям хотелось плакать от счастья.

От Светы не отходил высокий парень с каштановыми волосами и характерным украинским лицом, прямым пробором и усиками, спускающимися вниз вдоль подбородка. Весь последний медленный танец они оживленно что-то шептали друг-другу, и, видно, не дошептавшись, остались поговорить в вестибюле. Марьям решила, что глупо и нетактично стоять и ждать Свету, и поднялась в номер. Плюхнувшись в кресло, она закрыла глаза и расслабилась. Вскоре раздался стук в дверь. Открыв ее, Марьям застыла на месте. Рядом со Светой стоял кавалер из дискотеки с бутылкой шампанского в руках. Отодвинув оцепеневшую от неожиданности Марьям, Света потянула парня за собой и закрыла дверь.

– Ну, знакомьтесь. Это – Маша, а это – Витя. Ну, давай, Вить, открывай бутылку. Правда, здесь всего два стакана, но мы с тобой одним обойдемся, а второй отдадим Машеньке. Маш, ну ты че в коридоре стоишь? Проходи.

Марьям, очутившаяся в совершенно незнакомой ситуации и не отошедшая после зеркал и цветомузыки, не знала, что делать и как себя вести. Она молча прошла в комнату и села на кровать. Немного подумав, она решила, что ничего страшного не произойдет, если Витя немного посидит. Он оказался довольно остроумным парнем из Херсона, – пару раз Марьям даже рассмеялась, – и жил здесь же на пять этажей ниже. Дело приближалось к полуночи, когда Марьям не выдержала:

– Уже очень поздно, вы, наверное, тоже устали.

– Маш, а ты ложись и спи. Мы тебе мешать не будем. Немного еще поболтаем в коридорчике.

Они вышли в коридор, потушив свет. Марьям разобрала постель, стянула с себя джинсы и прямо в свитере растянулась в прохладной постели. Из коридора доносились шепот, хихиканье и причмокивания. Она начала уже было засыпать, как тихонько в комнату вошла Света и начала разбирать постель. Сон улетучился мгновенно, когда вслед за ней вошел Витя и начал стягивать с себя одежду. Марьям вся напряглась. Увидеть своими глазами то, о чем она знала только из литературы и фильмов, прошедшие к тому же советскую цензуру – это было страшно. Но в то же время какое-то странное чувство, нет, не любопытства, а чего-то другого, которому она пока не могла дать определение, охватило ее. Мысли перескакивали с одной на другую, и Марьям попыталась унять нарастающую внутреннюю дрожь: «Почему бы и нет, в конце концов, все здесь взрослые люди, лишь бы меня не трогали, пусть делают что хотят». Света прошла в ванную, донесся звук воды, струящейся из душа. Марьям лежала, затаив дыхание, но Витя не делал никаких попыток ни заговорить, ни подойти к ней, и она окончательно успокоилась. Минут через десять вернулась Света и до Марьям донесся тихий шепот:

– Света, ты бы проверила, может еще не спит?

– А хоть не спит, не такая как все, что ли?

Рано утром Марьям разбудил легкий шум. Это Витя встал, оделся и вышел из номера, негромко закрыв за собой дверь. Марьям вновь провалилась в глубокий сон. Так началась ее новая жизнь в «Измайлово».

Глава 2

Марьям поднялась на лифте на свой семнадцатый этаж, подошла к столику дежурной за ключом. Никого не было, на этаже вообще не ощущалось признаков жизни. «Выскочит кто-нибудь, ударит по голове, никто и не услышит», – подумала Марьям. Ей даже показалось, что за спиной у нее кто-то стоит. Вся похолодев, она резко обернулась, но никого в холле не было.

– Есть кто-нибудь? – громко спросила Марьям.

Ей было не по себе. Наконец, раздался мелодичный звонок лифта, и из открывшихся дверей вышла дежурная.

– Ключа нет. Ваша соседка в номере.

К ее удивлению, дверь была не заперта и открылась от легкого прикосновения. Тихо прикрыв ее за собой, она прошла в комнату и увидела, что на полу, как-то неестественно запрокинув голову, лежит Света. Тишина и солнечный луч, падающий через окно на платье Светы, ярко освещая его, приобрели вдруг какое-то другое, иррациональное значение. Марьям вся похолодела и, словно не желая соглашаться с абсурдностью увиденного, как в тумане сделала по инерции еще шаг в направлении лежащего тела и вдруг, резко повернувшись, выбежала из номера.

Дежурная была на месте, говорила по телефону. Увидев белое лицо Марьям, быстро оборвала разговор.

– Что случилось? – Ответа не последовало. – Вам плохо? Вызвать врача?

– Да! – Глаза Марьям засверкали безумным блеском... – Надо врача... к нам... туда...

Ей, наверное, очень плохо...

Дежурная сразу же кинулась к номеру, а Марьям медленно опустилась на ее стул и безмолвно устала в противоположную стенку. Она словно со стороны наблюдала, как вернувшаяся дежурная начала деловито звонить по телефону и что-то говорить... Марьям совершенно потеряла чувство реальности и ничего не понимала, в прострации наблюдая, как дежурка заполняется людьми. Вскоре к ней подошел весьма неопрятный мужчина лет сорока в сопровождении двух милиционеров. Сунув ей под нос удостоверение, он сказал:

– Следователь Анисимов. Вы, гражданочка, пойдете сейчас с нами.

Собрав все свое самообладание, Марьям встала и не произнесла ни слова, последовала за представителями власти. Ее отвезли в отделение, провели в похожую на кладовку комнатушку и заперли. Обесиленно присев на скамейку, она приняла удобную позу и провалилась в спальный сон. Проспав немного, Марьям была уже в состоянии осмыслить, что произошло. Перед глазами ясно встала картина прошедшего утра и дня, но то, что случилось в номере, казалось ей чем-то далеким, нисколько ее не касающимся событием. Марьям сразу же себя успокоила тем, что ее задержание носит временный характер. Она всего лишь обнаружила в номере убитую Свету и не имеет к происшедшему никакого отношения. Разберутся и отпустят. И все-таки Марьям нервничала. Она встала со скамейки, поправила одежду и снова села, откинувшись на спинку. Ясно, что она всего лишь свидетель, но и при всем при этом любой расклад дела будет для нее иметь неприятные последствия. Даже в лучшем случае, если попадется очень умный, честный, и, главное, очень добрый следователь, она обречена на все прелести общения с милицией. Неожиданно ворвалась шальная мысль: «А ведь могут и посадить. Сколько таких случаев было. Пиши потом в «Комсомольскую правду», Комитет советских женщин и в другие инстанции.» Марьям не питала никаких иллюзий относительно правоохранительной системы и хорошо знала о «телефонном праве». Конечно, друг отца – большой человек, и его руки дотянутся до «Измайлово», но как она посмотрит потом в глаза этому человеку и родителям, когда они узнают, что в номере с ней ночевали парни? Раньше надо было об этом думать. Свободы захотелось, приключений – вот они, получай. Это – конец.

Марьям вдруг спохватилась. За ней могут прийти в любой момент. Надо подумать, что говорить на допросе. Надо взять себя в руки, решила она, полный самоконтроль, никаких слез, бормотания, лишних слов. Все-таки она в Москве, где есть закон и порядок, куда приезжают искать справедливость из провинций.

Вскоре за ней пришли. Следователем оказался тот самый неопрятный мужчина, который и привел ее в отделение. Несмотря на свое незавидное положение, Марьям с удивлением отметила про себя, что мысль работает ясно, и она даже может спокойно наблюдать за следователем, который ей больше напоминал пьяницу-грузчика из гастронома. Из облезлого «пыжика» неопрятными сосульками свисали седые волосы. Одутловатое лицо с красными прожилками, багрово-фиолетовым носом и маленькими выцветшими глазками не оставляли никаких сомнений относительно любимого вида времяпровождения. Картину дополняла местами разошедшаяся по швам грязная дешевая куртка неопределенного цвета. Анисимов Павел Ефимович сразу взял «быка за рога», не отдав дань положенным в таких случаях протокольным вопросам.

– Имя-фамилию, откуда ты и зачем здесь – все это я знаю. Ты давай, рассказывай, как прикончила свою соседку. И без слез. Меня слезами не проймешь.

– Света... точно... умерла?

– Умерла, – хмыкнул Анисимов. – Убита Света. Может и непредумышленно. Виском об угол тумбочки. Так что, самое время для чистосердечного признания, потом поздно будет. Раскрутим на всю катушку. И надолго.

Следователь сделал паузу, чтобы дать Марьям время оценить всю серьезность сделанного им заявления и продолжил:

– Ну, что там было? Мужиков не поделили? Вцепились в волосы друг дружке, как это у вас, у баб водится. Так? Правильно мыслю? Ну давай, рассказывай, только без слез. От слез я злее становлюсь.

– Я приехала сюда по путевке, неделю назад, пятнадцатого ноября, – Марьям старалась говорить спокойно, преодолевая дрожь в голосе, – Света приехала за день до меня. Она была на год младше меня, мы ладили друг с другом.

– Ладили, говоришь? Кто ж тогда ее виском о тумбочку, а?

– Я после завтрака, в 8:45, ушла из гостиницы, зашла в Первомайский универмаг, потом поехала в ЦУМ, зашла в ГУМ и вернулась к обеду, – не меняя интонации продолжала Марьям, словно не расслышав реплики следователя. – Света не спустилась со мной к завтраку. Она хотела позавтракать попозже, а потом пройтись по магазинам. Когда я вернулась, в 14:30, приблизительно, то захотела взять ключ от номера, но дежурная сказала, что ключа нет, соседка в номере. Дверь была не заперта, я вошла... а потом сразу же побежала к дежурной. Ничего не трогала и ни к чему не прикасалась.

– Вы сделали какие-либо покупки в названных вами магазинах? – Марьям вздрогнула от резкого перехода на официальный тон и правильный русский язык.

– Нет, это был очень неудачный день. Я нигде ничего не купила.

– У Светланы Щербаковой были в Москве родственники, знакомые?

– Не знаю. Она мне ничего не говорила о них. Либо не было, либо просто разговор не заходил об этом.

– Кто вам звонил по телефону в номер?

– Мои родители. Не помню, чтобы звонили Свете. Я даже не знаю, есть ли у нее родители, где она работала и кем. Знаю только, что она из города Вача, что ей... было двадцать четыре года и что она была незамужем.

– А говоришь, подружились. Как вы обычно проводили свой день?

– Первые дни мы вместе ходили по магазинам, по городу, а потом каждая сама по себе – мне одно нужно, ей – другое. Вечером уже вместе шли на ужин, а потом на дискотеку, здесь же, в бар «Люкс».

- Знакомились там с кем-нибудь?
- Света любила танцевать, когда приглашали – танцевала, а так нет, не знакомилась.
- К вам в номер заходили гости?
- Нет. Никогда.
- Вы очень хорошо говорите по-русски. У вас мать русская?
- Нет.
- А кто Ваши родители?
- Отец преподает в университете, доцент математического факультета, а мама – главврач

роддома.

Воцарилась долгая пауза. Анисимов, часто моргая, но неотрывно, смотрел своими бесцветными глазками в лицо Марьям, потом довольно демонстративно оглядел ее медленным оценивающим взглядом с ног до головы. Даже причмокнул, разглядывая бриллиантовые серьги в ушах и самозаводящиеся швейцарские часы на левой руке. Но что-то определенно изменилось в лучшую сторону. Следующий вопрос был задан уже вежливым, мягким тоном.

– Как по-вашему, что произошло с вашей соседкой? Есть соображения?

– У Светы водились деньги. Она всегда возвращалась с покупками, покупала апельсины, бананы, «Фанту», пирожные. На дискотеку ходила каждый день, а ведь это дорогое удовольствие. Ну а про черных, вообще, анекдоты слагают, какие мы богатые. Может быть, это были просто воры, не заметили, что Света осталась в номере, зашли, а когда она попыталась поднять шум, ударили ее?

– Угу-у... – не разжимая губ, произнес Анисимов, и откинулся на спинку стула. – Ну, что ж, думаю, утро вечера мудренее. Сейчас мы вас покормим, устроим на ночь...

– А куда устроите? – заикаясь, спросила Марьям.

– Куда устроим? – задумчиво повторил Анисимов, и вдруг его осенило. – А в нашей комнате отдыха. Такого комфорта, конечно, как в вашем полулуксе, не будет. Уж не обессудьте. Утром все решим.

Он почувствовал себя на мгновение царем Соломоном, – в самом деле, куда девать богато разодетую девицу с юга, а если у нее высокие покровители найдутся и по шапке дадут, если что не так, – не к пенсии будь сказано. А так, никто не придерется, и под милицейским присмотром, и одновременно уважение проявлено.

У Марьям тревожно забило сердце, она попросила:

– Мне надо родителям позвонить.

– А, так это без проблем. Я дам распоряжение провожающему.

– Спасибо, – сдержанно сказала Марьям и крепко сомкнула губы, чтобы больше не проронить ни словечка, не задать вопроса, не сболтнуть чего.

Молчание – золото, а в подобном месте – жизнь. Ни одного лишнего слова, это станет ее правилом с сегодняшнего дня.

Глава 3

В тупом оцепенении, потеряв ощущение времени Марьям провела остаток вечера. При одной только мысли о том, какая буря сплетен и пересудов поднимется дома, когда узнают, что она в Москве попала в милицию, ей хотелось умереть. Неважно, ты убила или тебя убили, или ты просто оказалась в неподходящем месте в неподходящее время. Главное – сам факт.

Родители Марьям имели очень большой круг знакомых, и малейшее темное пятнышко на репутации означало для них моральную смерть. Измученная такими мыслями девушка, наконец, заснула.

Утром ее снова вызвали к следователю. Допрос вел Анисимов, на этот раз причесанный, умытый, облаченный в костюм и при галстукке. Перемена была столь разительная, что вначале Марьям его даже не узнала. С ним в кабинете находился еще один молодой человек в штатском, который хранил молчание, но был главным, судя по тому, как оглядывался на него Павел Ефимович. Марьям встретила с ним взглядом, и поняла, что все еще может обойтись. Несмотря на полное неумение кокетничать, она нравилась мужчинам, и она знала это. Другое дело, что толку от этого было мало. До сих пор, по крайней мере. Так, бывало, на экзаменах в институте, когда по особому взгляду преподавателя, она понимала, что может нести полную чушь, «отлично» ей обеспечено, потому что она – понравилась. Так и сейчас. Она ощущала на себе этот особый, долгий взгляд голубых глаз молодого человека в штатском с военной выправкой и уже знала, что все обойдется. И если можно что-то сделать в ее пользу – это будет сделано. Марьям отвечала спокойно, тщательно обдумывая каждое слово. Показания ее не расходились ни на слово со вчерашними. Ни о каких знакомых Светы она не знает, никто никогда к ним в гости не ходил, никто не звонил.

– Ну что скажете, Сергей Николаевич, – обратился Анисимов к голубоглазому штатскому.

Тот ничего не ответил, продолжая молча смотреть на Марьям. Возникла неловкая пауза. Марьям стало не по себе. Она, наконец, решилась и посмотрела ему прямо в глаза, посмотрела робко и умоляюще, ведь сейчас от его слова зависело все. Анисимов кашлянул несколько раз, пошуршал какими-то бумажками на столе, поерзал на стуле.

– Сергей Николаевич...гм...

– Марьям может продолжить свой отдых в Москве, в «Измайлово», номер, конечно, поменяем, – прозвучал наконец ответ. – У нее есть еще шесть дней. Через шесть дней разговор продолжим, уезжать нельзя.

«Сергей Николаевич, Сергей, Сережа...», – повторяла про себя как заклинание Марьям. Какое-то странное чувство вдруг охватило ее, как если бы она встретила с очень близким человеком. Это чувство некой сопричастности к чему-то очень важному, объединявшему их обоих, не покидало ее до самой гостиницы, куда ее по распоряжению Сергея проводила женщина-сержант. Та оказалось разговорчивой, болтала безумолку, явно наслаждаясь собственным монологом и молчаливостью слушательницы. Слух Марьям включился, когда в трескотне появился нужный код: Сергей, Афганистан, женат, сынишка.

Она вошла в свой номер, собрала вещи.

– Проверьте, ничего не забыли?

– Нет.

– Тогда пошли.

Марьям с облегчением покинула роковой номер.

Глава 4

Марьям ждала этого звонка. Он позвонил из вестибюля и сказал, что поднимется через пять минут. На какой-то миг у нее закружилась голова и мозг пронзила острая, резкая, как при удалении зубного нерва, боль. Марьям бросилась в ванную, ополоснула лицо, выпила прямо из-под крана воды. Ей попала на глаза расческа, негнушимися руками она схватила ее и начала расчесывать волосы. Эти простые движения постепенно успокоили ее, она собралась и сосредоточилась.

Ровно через пять минут Сергей постучал в дверь. Он вошел и сел в кресло. Она стояла, опустив голову, но прямая, как натянутая струна. Длинные волосы словно шелковым покрывалом закрывали ее лицо. Сергей был очень бледен и как-то странно смотрел на нее.

– Почему вы скрывали, что у Щербаковой был жених, причем он жил совсем рядом на спортивной базе?

Марьям резко подняла голову, волосы фейерверком взмыли вверх и разом опали, змейками струясь по тонким плечам. Она спокойно и холодно спросила:

– Какой еще жених? Мне ничего не было известно ни о каком женихе. И с какой стати я стала бы скрывать, если бы знала?

– Вы хотите сказать, что целую неделю жили бок о бок с девушкой, у которой должна была состояться свадьба через месяц-другой, и она ничего об этом не рассказала? Я скорее поверю, что дважды-два пять.

– Возможно, она что-то подобное говорила. Как из-за нее умирают, часами стоят на холоде, припав к окнам вестибюля, чтобы мельком увидеть ее, спускающуюся в ресторан пообедать. Как какую-нибудь суперзвезду, топ-модель, Мисс Вселенную. И как толпы поклонников, влюбленных до безумия, не дают ей прохода. Я даже не вслушивалась в ее слова, принимая их за бред самовлюбленной... дурочки. Мне и в голову не могла прийти мысль пересказывать эту чушь следователю, тем более, что я толком не вслушивалась в ее излияния.

– Почему же это все не могло быть правдой? Почему вы решили, что все это – бред самовлюбленной, как вы сказали, дурочки? Вы должны были рассказать все, что вам известно, а чушь это или нет, решать нам. Жених, например, очень даже не бред, а реальность. И вы не могли этого не знать.

На какой-то миг Марьям растерялась, но тут же взяла себя в руки и даже повысила голос:

– Реальность? Откуда же мне знать это, если в течении недели, включая субботу и воскресенье, он ни разу не появился у своей невесты? Мы каждый день ходили на дискотеку в бар «Люкс», нас там двоих точно помнят, пусть кто-то скажет, что с нами хоть один раз прошел парень. Ни разу. Никогда. Ни разу не было ни одного звонка. Что это за такие жених с невестой, которые, находясь так близко друг от друга, ни разу не захотели встретиться?! В течение недели можно ведь было бы увидеться хоть раз!

Глаза ее сверкали, в лице не было ни кровинки и смуглая кожа превратилась в матово-бледную, а губы, наоборот, порозовели. Марьям была как обнаженный нерв и в своем высшем проявлении алертности она сорвала, как задубевшую кору, бесполоую оболочку, возвращенную холодным и контролируемым поведением. Сейчас в ней была задействована вся энергия, отпущенная природой женщине. Она была как пылающий факел, и этот горевший в ней огонь выпустил на волю сексуальность, всегда запертую, остававшуюся под спудом морали. Сергею даже показалось, что от нее исходят горячие волны, как от раскаленной печи. Он вдруг поймал себя на мысли, что не слышит слов, что на уме у него только пульсирующая жилка на ее тонкой шее. Он с ужасом осознал, что ему до безумия хочется впиться ей в губы поцелуем и взять ее немедленно, сейчас.

– ...якобы он ей надоел, она отдыхать приехала. А вот без нее, уродины мерзкой, жизни ему нет. Да какой нормальный человек мог в такое поверить, глядя на эту образину? – как сквозь вату донеслось до Сергея.

В этот момент она отвернулась. Сергей резко встал и не сказав ни слова, быстро вышел из номера.

Марьям, вся в пылу, собиралась выпалить очередную порцию слов и в этот момент услышала звук захлопнувшейся двери. Мгновенно ее из жара бросило в холод. «Идиотка, что я наболтала. Дура, безмозглая дура», – думала она про себя в полном отчаянии. Ей вдруг стало нехватать воздуха в этом ограниченном пространстве одиночного номера, он стал напоминать тюремную камеру-одиночку. Пришла еще одна мысль: «И все-таки я не в тюрьме». Захватив сумочку с деньгами, она вышла из номера и спустилась на скоростном лифте на первый этаж, решительно прошла в бар-экспресс, заказала горячий кофе и абсолютно все виды пирожных. Не обращая никакого внимания на удивленные взгляды немногочисленных посетителей и бармена, она без признака смущения уселась за столик и жадно набросилась на сладкое. Ей вдруг вспомнился идиотский вопрос: «Что бы вы делали сегодня, если бы знали, что завтра умрете?». Теперь такой вопрос уже не казался ей таким уж идиотским. Более того, ей захотелось на него ответить. Она с наслаждением откусила пирожное, закрыла глаза и ответила как могла честно – вот так вот обожраться тортами и пирожными. И все? Это все, чего тебе хотелось бы? Ну, будь честной до конца, наконец. Это все? Нет! Не все! Еще хотелось бы... Вот именно.

Глава 5

Сергей почти бегом прошел в конец коридора к запасной лестнице, спустился на несколько этажей, и оттуда уже на лифте добрался до вестибюля. Когда он вышел на улицу и всей грудью вдохнул холодного воздуха, ему показалось, что никогда в жизни воздух не был таким свежим и прозрачным, с чудесным сосновым ароматом. И вообще, как здесь, оказывается, все красиво вокруг, и как волшебно выглядит Измайловский парк рядом. Впервые за долгие годы у него в жилах забурлила кровь, как после многолетней спячки. Хотелось по-юношески рассмеяться... Он ничего не помнил из своей юности, кроме Афганистана и мирной жизни после него, больше похожей на отработку трудовой повинности. Единственной силой, побуждающей его продолжать эту постылую череду обязанностей, была любовь к матери. Не мог он допустить, чтобы погас маленький огонек надежды в этих бесконечно дорогих и несчастных глазах. Ради них он с содроганием отходил в ночные сны и просыпался бесконечно уставшим. Но теперь есть смысл нетерпеливо ждать завтрашнего утра. И послезавтрашнего тоже, может быть, каждого последующего утра. Завтра он вновь увидит ее, девушку с прекрасным восточным именем, которое так созвучно родному русскому – Машенька. «Однако, ее сегодня прорвало», – вдруг подумал Сергей. Неожиданно ему вспомнился «женский» анекдот про «счастливую бабу», у которой и муж есть, и любовник, и вчера в лифте изнасиловали. В мужской компании любили снисходительно подтрунить над женской логикой и умом, но сейчас этот анекдот уже не казался смешным. Эх, Маша, Маша! Надо подумать, как грамотно из всего этого выпутаться. А подумать есть о чем.

На следующий день он позвонил ей и быстро, чтобы не передумать, сказал, что им надо встретиться в вестибюле гостиницы. По роду своей деятельности он часто оказывался в опасной ситуации, когда от него зависела жизнь людей и когда эти люди были готовы на что угодно ради своего спасения. Он знал это, он видел как некоторые его коллеги поддавались соблазну использовать свою власть над людьми, или как мучились, проникаясь человеческими сочувствием при ведении дел. Но до сих пор в его профессиональную деятельность не влетались собственные эмоции, их просто не было. До сих пор.

Марьям появилась точно в назначенное время. На ней были джинсы, подчеркивающие стройную фигурку, шикарный свитер из ангоры. Она села рядом, очень близко, явно продуманно, обволакивая его запахом дорогих французских духов и посмотрела прямо в глаза. Да, было весьма благоразумно встретиться именно здесь, среди народа.

– Марьям, необходимо, чтобы вы еще остались в Москве. Мне бы хотелось, чтобы это было в приемлемой для Вас форме.

– У меня еще две недели отпуска. Я могла бы оплатить проживание в «Измайлово» и остаться здесь. Я ведь до сих пор ничего не сказала родителям, у меня просто не хватает духу рассказать, да еще по телефону, что я влипла в такое страшное дело. Просто не представляю, что будет, когда об этом узнают на работе. А это возможно, чтобы никто ничего не узнал?

– Никто ничего не узнает, если Вы этого так хотите, Марьям, – спокойно сказал Сергей, стараясь не утонуть в черных, как ночное море, глазах.

И собрав все свое самообладание, добавил:

– На сегодня все. Завтра подойдете к администратору и оформите продление. До свидания.

Он достал сигарету и закурил, не глядя на нее. Марьям не шелохнулась. Продолжая смотреть прямо перед собой, он добавил глухим голосом, в котором слышалась бесконечная усталость:

– Идите, Марьям. Постарайтесь не отлучаться надолго из номера.

Марьям встала, неловко попросилась и уже, не мешкая, направилась к лифту. Она была в панике. Только жесткое воспитание не позволяло ей забиться в истерику прямо в лифте. Она не вышла на своем этаже, поднялась на самый верх, потом спустилась на этаж, где располагался буфет, села за столик и мало-помалу в ее голове начало проясняться.

Во-первых, ее ни в чем не обвиняют, во-вторых, у нее есть родители, которые в состоянии замять неприятности, в третьих, ей пообещали, что никто ничего не узнает. У нее хватит ума не думать бесконечно о том, как все может обернуться плохо. Вот только еще немножко подумать о нем. Какой он был сегодня официальный, хотя глаза были как две кровоточащие раны. Некому, видно, их залечить, хотя есть рядом другая, «счастливая» и ни на что не годная. Вдруг она почувствовала влагу на щеках, это закапало из глаз. Лихорадочно стала искать платок, какое счастье: он оказался на месте. Она встала и, разозлившись на себя, решительно направилась в номер.

Марьям ненавидела себя в эту минуту так, как никого в жизни. Дрянь! Мало того, что от зависти ненавидишь весь мир, еще докатилась до того, что готова избить, растерзать и даже убить, пусть в своих мыслях, женщину, нашедшую себя в личной жизни. Из-за этих мерзких соплей, может быть, и погиб человек. Кто виноват в том, что по-человечески трахнуть не можешь, хоть и думаешь об этом день и ночь! Твои ровесники, мальчики, еще вчера сидевшие за партой, тот же Сергей, проходили все круги ада в Афганистане, пока ты спала на мягкой постели и бесилась с жиру, выбирая, какие французские духи тебе больше подходят. Почему тебя никто не любит, да потому что ты никого не любишь, занятая только своими ничтожными мыслишками, похожими на мыльные пузыри. Она просидела всю ночь на полу, уткнув голову в колени. Утром в зеркале она увидела уже другого человека.

Глава 6

Звонок прозвенел утром, когда Марьям, поднявшись к себе после завтрака, сидела в странном оцепенении у телефона. Сергей сухо и немногословно предупредил ее, чтобы она не выходила из номера, он будет в течение часа. Марьям знала, что это будет «последний и решительный бой», и была готова к нему. Но получилось иначе.

В дверь постучали, она не спеша ее открыла. Сергей, поздоровавшись, подошел к столику и положил на него лист бумаги, потом прошел к окну и не оборачиваясь, сказал:

– Ознакомьтесь с этим документом. Это показания Николая Волкова, жениха погибшей девушки.

Она начала читать. Руки ее задрожали, когда она дошла до места – «в тот день я, после утренней тренировки, побежал в «Измайлово» к корпусу Д. Внутрь, конечно же, не пустили и я стоял снаружи в надежде, что смогу увидеть Свету, когда она будет спускаться к завтраку. Вместо нее я увидел ее соседку по номеру. Я видел их пару раз вместе, знал, что ее зовут Марьям...»

Перед глазами Марьям вдруг отчетливо встало то утро и весь разговор с женихом Светы.

«...Мне Света сказала, что она с Кавказа и поэтому не разрешает ни приходить в гости, ни даже звонить. Я догнал Марьям, мне хотелось поговорить с ней, убедить, что как мне тяжело не видеться с любимой девушкой.

– Здравствуй, Марьям. Это я, Николай, жених Светы.

– Я в курсе. – Она так странно посмотрела на меня, но я сначала не понял почему у нее был такой взгляд.

– Я хотел попросить у вас разрешения звонить и приходить в гости к Свете. Света сказала, что вы запрещаете.

Она расхохоталась мне в лицо и сказала:

– До сих пор Свете на мое запрещение было наплевать. Я даже не представляю, как можно было поверить в подобную чушь. Неужели любовь может быть на-столь-ко слепа.

Тон и выражение ее лица говорили яснее слов. Меня обманывают, а я веду себя как лопух. Я еще никого так не ненавидел, если бы не толкотня вокруг, я бы задушил ее. Она повернулась и хотела уйти, но я преградил ей путь.

– Если у вас есть что сказать, Марьям, говорите прямо.

– А я и говорю прямо, уж прямее некуда.

Ее глаза были полны злости. Она была как гюрза, черная и ядовитая.

– Путь свободен, номер 1721, 17 этаж, иди к своей невесте, никто чужой вам не мешает.

– Проведи меня мимо швейцара.

– Сам пройдешь. Вон толпа спускается с лестницы и собирается выйти. Смешайся с ними и незаметно пройди.

Она ответила очень грубо, но я должен был увидеть Свету во что бы то ни стало. Я сказал самым просящим тоном, на который был только способен:

– Марьям, я умоляю тебя, проведи меня мимо швейцара, я пробовал и с толпой, и без толпы, другим удается без проблем, а меня сразу засекают, даже пригрозили в отделение отправить, если снова попытаюсь. Меня тут уже все давно знают. Мне необходимо поговорить со Светой. В конце концов, мне тоже надоело в дураках ходить.

Она как-то очень странно улыбнулась, и, не говоря ни слова, взяла меня под руку и мы подошли к проходу, она показала визитку и на вопрос швейцара сказала, что я ее друг и мы минут пять поговорим в фойе. Подвела меня к лифту и, не проронив словечка, ушла. Я поднялся на 17 этаж, подошел к номеру 1721 и встал перед ним. Я стоял просто так и уже подумывал о том, чтобы уйти, даже не постучав. Вдруг дверь открылась и из нее буквально вылетел

парень, надевая на ходу куртку и побежал к лифту. Я подумал, что хорошо, что не постучал, потому что точно ошибся номером и хотел уже уйти, как вдруг из-за двери послышался Светин голос: «Саша, Саша, ну куда ты?». Дверь распахнулась, выбежала полуодетая Света и, не замечая меня, сказала: «Кобель проклятый...» Тут она увидела меня и так зло бросила: «А, это ты? Чего приперся?». Я толкнул ее обратно в номер, зашел сам. Она ни чуточки не ступала, спокойно так взяла сигарету, закурила. И сказала:

– Во-первых, я тебе не жена, и могу делать что захочу...

– Ты обещала выйти за меня замуж, я к тебе как к святой относился, дунуть боялся, а ты оказывается меня за дурака держишь, – перебил я ее.

– Дурак и есть, «дунуть боялся».

И она засмеялась, нагло так. У меня в глазах потемнело, и я ее ударил кулаком в этот смеющийся рот. Она упала, а я ушел, не обернувшись. Я не вернулся к себе на базу, пошел в лес, никого не мог видеть. Потом сел на электричку, поехал к другу, он на заброшенной даче жил, там выпили, не знаю сколько времени прошло. Потом, когда пришел в себя, решил вернуться на базу, собрать вещи и уехать далеко в Сибирь. Там меня уже ждали с наручниками. Я даже подумать не мог, что это из-за Светы. Если бы я знал раньше, покончил бы с собой.»

Марьям сидела, не шелохнувшись. Ей было страшно начинать разговор. В ушах все время стучало – «как гюрза, черная и ядовитая». И это прочитал он, и это – о ней. Может быть, он просто пробежал глазами это место, не обратил внимание. Тогда можно говорить.

– Вы прочитали?

Она вздрогнула от неожиданности.

– Нет. То есть да.

– Ваши показания немного расходятся с показаниями Волкова. Может, сейчас вы вспомните, что встречались утром с Волковым в тот день, просто забыли сказать об этом?

– Нет. Я с ним не встречалась ни в тот день утром, ни когда бы то ни было еще. И до смерти Светы понятия не имела о том, что у нее есть жених. Все его слова относительно меня – плод больного воображения. Он или шизофреник, или просто хочет запутать следствие своей ложью. Никакого Сашу он не мог встретить у нас в номере в восемь утра. Даже если бы Света и захотела позволить себе что-то в этом роде, я бы этого не потерпела.

Она постаралась выдержать его взгляд, но нервы ее сдали:

– Сергей Николаевич, и что же будет теперь? Нам устроят очную ставку?

– Нет, – затем, после долгой паузы он продолжил, – Волков изменил показания, и в новой, окончательной версии, которая, собственно и войдет в дело, не упоминается эпизод встречи с вами.

– Изменил показания? И что это значит?

– Это значит, что вы больше не имеете к этому никакого отношения.

– Не имею отношения... – прошептала Марьям заветные слова. И, как молния, пронзила мозг страшная мысль. – А если он снова изменит показания, придумает что-нибудь опять?

– Не думаю, ему, бедняге, во-первых, сейчас не до этого, а во-вторых, я постараюсь держать ситуацию под контролем.

– А когда я смогу уехать домой?

– Я бы попросил вас задержаться еще немного, – торопливо ответил Сергей, – пока дело официально не закроется. Ведь отпуск ваш еще не закончился, так что вы можете продолжать отдыхать в Москве, не вызывая никаких подозрений дома. Кстати, ваши родители не проявляют беспокойства?

– Нет. Они сами очень любят Москву, здесь много интересного – театры, музеи, и находят естественным мое желание остаться в Москве подольше, если есть возможность.

– Ну, тогда все хорошо. Мне пора.

Он встал и медленно, будто нехотя, пошел к двери.

– Сергей Николаевич, можно вас спросить, – запинаясь сказала Марьям, – что... будет... с Колей?

– С Волковым? – удивленно переспросил Колесников и как-то по-новому посмотрел на нее. – Странно, что ты об этом спросила.

Ухо сразу уловило переход на неофициальное и интимное «ты».

– Я могла бы, ну, может быть, помочь с адвокатом... – она осеклась под его взглядом и отвернулась к стене, пряча горевшее от стыда лицо.

Вдруг она почувствовала, как мужская рука прикоснулась к ее косе, наматывая и пропуская ее через пальцы.

– Не коса, а восьмое чудо света.

Она размякла от этой невинной ласки, и больше всего на свете ей захотелось уткнуться в грудь мужчине, перед которым не надо было строить из себя недотрогу, который знал, до какой степени она может быть плохой и не осуждал ее, более того, уберег ее от позора, рискуя собственной карьерой. Уткнуться и расплакаться. Но она не посмела переступить через границу жестких правил поведения, на которых была воспитана.

– Мне в самом деле пора, – донеслось до нее как сквозь туман. – Я позвоню завтра.

– Нет, не уходите сейчас, пожалуйста. Мне сейчас очень плохо... Я боюсь сейчас оставаться одна...

– Если бы ты только знала до какой степени мне самому этого хочется, – просто и искренне сказал Сергей, – но я не хочу воспользоваться обстоятельствами и твоей слабостью. Когда дело официально завершится, а ты снова станешь сильной и независимой, вот тогда, если ты сама захочешь поговорить со мной просто, как с обычным человеком, я с огромной радостью приду. Мне самому есть что тебе рассказать. Возможно, у нас больше общего, чем сейчас тебе кажется.

Он тыльной стороной руки вытер скатившуюся по щеке Марьям слезу. Она стояла не шелохнувшись, боясь даже всхлипнуть.

– Ты бы позвонила друзьям, близкому человеку, поговорила бы.

– Нет у меня ни друзей, ни подруг по-настоящему близких, и не было никогда. Меня никто никогда не любил, кроме родителей, я никому по-настоящему не дорога. Мне некому звонить, а рассказать матери я не смогу... Я... я просто ненавижу себя.

– У каждого в шкафу есть свои скелеты, Марьям. А у некоторых – даже несколько. Ты справишься, я знаю. Ты к тому же, очень красивая. Неужели тебе об этом никто не говорил?

Марьям смутилась, но глаза у нее заблестели. Это были именно те слова, которые она хотела услышать. Сергей вздохнул и открыл дверь.

– До свидания.

Марьям подошла к зеркалу и улыбнулась самой себе.

Глава 7

– Ну, как ты?
– Я в порядке.
– Я рад, что ты захотела встретиться со мной. Мне так нужно с тобой поговорить, даже не знаю с чего начать.

– Я хочу вам сказать, что очень-очень благодарна Вам за то...
– Нет-нет, Марьям, прошу тебя, не надо об этом.
– Я прекрасно понимаю, если бы не вы, я бы по уши влипла...
– Марьям, прекрати. Тебе не за что быть благодарной. Мы сейчас просто обыкновенные люди, не имеет значения как мы познакомились. Пусть это останется в прошлом, которое я уже не помню. Если человек будет всегда все помнить и никогда ничего не забывать, он свихнется. По себе знаю.

Они сидели в креслах, разделенные журнальным столиком в номере у Марьям. На столике были пирожные, конфеты, кофе. Его Марьям приготовила маленьким кипятивником, а фарфоровые чашечки по этому случаю она специально купила в универмаге. Выглядела Марьям сногшибательно, в модной очень женственной блузе и кокетливой коротенькой юбке в клетку. На ногах были тонкие колготки и только-только появившиеся в чековых магазинах французские плоские ботиночки из черной мягкой лайки. От того, что волновалась, она надушилась три раза «Magik Noire», хотя старалась не злоупотребить духами, и у нее у самой кружилась голова от его волшебного аромата.

– Даже мать, которая обязана заботиться о своем ребенке, требует благодарности за то что она родила, кормила-поила, одевала и так далее. Моя мама, во всяком случае, от меня требует изъявлений благодарности практически ежедневно за беззаботную юность, за красивую одежду, за роскошь. Ну а вы, вы спасли мою честь и достоинство. Я прекрасно понимаю, что стоит за словами, что Волков изменил показания, несмотря на то, что Вы их так незаметно произнесли.

Все это она проговорила скороговоркой, не давая Сергею вставить ни слова, несмотря на все его попытки. Произнося последнее предложение, она поднесла руки к горлу, как если бы задыхалась, дергая что-то у ворота блузки. Не успел Сергей опомниться, как она опустила руки, в одной из которых что-то блестело. Она разжала руку, и изумленный Сергей увидел золотую цепь с довольно увесистым золотым кулоном.

– Я от всей души прошу принять на память от меня эту вещь...
Сергей закрыл глаза, через секунду он встал и быстро пошел к двери.
– Нет, Сергей, нет! Не уходи, прости меня! Я же, на самом деле, имела в виду, просто на память, – в полном отчаянии закричала Марьям и бросилась за ним.

Она настигла его уже у открытой двери, захлопнула ее, продолжая говорить:
– Ведь друзья всегда оставляют о себе на память что-то, – не замечая, что оказалась в ловушке, в углу узкого коридора номера.

В следующее мгновение она почувствовала на себе всю силу мышц молодого натренированного тела. Она оказалась буквально пригвождена к стенке, не в силах даже шевельнуть мизинцем, а губы в первый раз в жизни почувствовали на себе крепкий с привкусом табака мужской поцелуй. Автоматически включился инстинкт самозащиты – вырваться, ударить, убежать. Но она была совершенно лишена и свободы движения, и свободы выбора. И в следующее мгновение, когда инстинкт выключился, уступив место другому, не менее могучему, ее всю заполнило восхитительное чувство от осуществления самой вожажденной мечты, вот так красиво до боли в мозгу получить страстный горячий поцелуй...

Словно прочитав ее мысли, Сергей разомкнул железные объятия, поцелуй настолько ослаб, что напомнил дуновение легкого ветерка, ласкающего пылающие губы. Теперь выбор был: отодвинуть легкую как соломинка преграду и уйти... Если она даже слегка оттолкнет... Ну уж нет, ни за что! Она крепко сомкнула руки на широких плечах и ответила робким неумелым поцелуем.

День пролетел как одно мгновение. Сергей с удивлением обнаружил, что за окнами темно и стараясь не потревожить девушку, уютно устроившуюся у него на коленях, посмотрел на часы. Было уже около десяти вечера. Он был в полном тупике и не знал, что делать дальше. И как любой мужик, даже очень порядочный, принялся раздумывать о «перспективах». Даже теоретически трудно было вообразить, что невинная девушка, к тому же из далекой южной республики с жесткими восточными традициями, захочет пойти на близость. Ну а что дальше? Все-таки не мальчик, вот так вот просидеть в кресле. А «пойти в атаку» и получить по рукам и щекам с последующим позорным выдворением, сопровождаемым слезами разочарования, явно, не годится. Уйти самому – нет ни сил, ни желания, ни воли. Пожалуй, разумней всего начать «разведку».

– Маш, ты не заснула? Знаешь, уже поздно. Тебе не хочется меня выставить, отдохнуть одной? – весь напрягшись внутренне, проговорил Сергей, а что если в ответ получит: «ой, правда, как поздно, тебе пора».

Но ответа не последовало, только сильнее сжались ее руки у него на шее. Это обнадеживало, но все-таки не было приглашением остаться, а могло просто означать начало затянутого прощания. Он нежно погладил ее колено и осторожно провел рукой наверх. Реакции не последовало. Его рука нащупала непривычные очертания кружевного нижнего белья.

– Ты что, вот так и ходишь в этот холод по Москве? Ты же все застудишь, так нельзя, надо одеваться тепло.

Марьям рассмеялась и нежно погладила его по лицу.

– Какой ты милый, как наверное, любой европейский мужчина. Вы совсем другие, никому из наших не пришло бы в голову даже подумать, не то что проявить заботу о здоровье женщины, о ее желаниях, потребностях. Они – потребители...

– Кто европейский мужчина? Я?

– Да, конечно. С такими чудными голубыми глазами и белой кожей. Она даже пахнет по-особому, пахнет чистотой.

– Да ты расистка, дорогуша. Что это за разговоры про белую кожу, – улыбнувшись, проговорил Сергей. Ему еще никогда не было так легко и хорошо. – Я вот возьму и привлеку тебя за расизм.

– У тебя очень красивая улыбка. Я еще ни разу не видела, как ты смеешься.

– Потому что я не смеялся. Во всяком случае, я не помню когда это было в последний раз, наверно в школе, до армии.

Он замолчал, но было видно, что порывается сказать что-то. Но вместо слов только порывисто обнял ее.

– Маша, у меня просто нет сил оторваться от тебя. Без тебя я как больной, у которого отняли подушку с кислородом. Если не выгонишь, сам не уйду. Мне очень нужна ты, рассказать тебе кое-что, но я не уверен, что могу злоупотреблять твоим вниманием, терпением. В конце концов, ты не обязана выслушивать излияния психа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.